

ные вопросы языкознания и переводоведения: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары, 2014. – С. 219–222.

12. Юрина, Е. А. Томский диалектный корпус: в начале пути / Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 2. – С. 58–63.

УДК 811.161.1

Е. Н. Ильина, Н. Н. Карачева
Вологодский государственный университет

ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПРОЗЕ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00364
«Вологодский текст в русской словесности»*

Статья посвящена проблеме изучения текстов художественной прозы Александра Яшина в лингвоперсонологическом аспекте. Исследуются когнитивные, вербально-семантические и прагматические параметры диалектной языковой личности. В результате анализа явлений сюжетно-тематического, композиционного, персонажного и образного ряда делается вывод о специфике художественной картины мира писателя-вологжанина.

Диалектная языковая личность, региональная проза, А.Я. Яшин.

The article is devoted to the problem of studying the texts of Alexander Yashin's art prose in lingvo-person aspect. Cognitive, verbal and semantic and pragmatical parameters of the dialect language personality are investigated. As a result of the analysis of a subject and thematic, composite, personal and figurative row, the authors made a conclusion about specifics of art world of the writer-resident of Vologda.

Dialect language personality, regional prose, Alexander Yashin.

Введение.

Изучение феномена языковой личности на материале текстов художественной литературы относится к числу актуальных проблем лингвоперсонологии. Работа с материалом художественного наследия автора позволяет, с одной стороны, описать его самого как языковую личность [2] [5], а с другой стороны, определить авторский эстетический идеал, опираясь на речевые портреты персонажей [9]. В нашей работе на основе исследования художественной прозы Александра Яшина делается попытка изучения феномена диалектной языковой личности, черты которой, по нашему мнению, реализуются как в речи повествователя, так и в речи персонажей его текстов.

Основная часть.

Диалектной языковой личностью ученые называют совокупность проявляемых в языке свойств человека – жителя определенной местности [3]. Основу для их описания обычно составляют значительные по объему записи бытовой речи [7], [8]. На основании их анализа делается вывод о характерных особенностях диалектной языковой личности на всех уровнях ее репрезентации: когнитивном, вербально-семантическом и прагматическом [4]. На когнитивном уровне у диалектной языковой личности обнаруживаются локальные особенности восприятия действительности, картины мира. Вербально-семантический уровень определяется тем, что диалектная языковая личность использует локальный вариант национального языка – территориальный

диалект во всей совокупности его лингвистических черт. На прагматический уровень диалектной языковой личности влияет реализация ее коммуникативных задач преимущественно в сфере устноречевого бытового общения.

Личность и творчество Александра Яковлевича Яшина (1913–1968) неразрывно связаны с Вологодским краем. Здесь началась трудовая деятельность и поэтическая биография писателя. Александр Яшин довольно поздно осознал, что его талант – это, прежде всего, талант прозаика. Все, что было свойственно поэзии А. Яшина, – лиричность, драматизм, юмор, эпическое начало, народность и стройность языка, естественность диалогов, – стало характерным и для его прозы [1]. Исследуя язык повествователя в прозе Александра Яшина, можно заметить, что наряду с многими признаками креативной языковой личности русского интеллигента здесь отчетливо проявляются локальные черты. На когнитивном уровне об этом свидетельствует репрезентация традиционных ценностей крестьянской культуры, оценка всего происходящего с точки зрения нравственных устоев деревенского социума. На вербально-семантическом уровне обнаруживает себя словесная культура вологодских говоров – местная лексика и фразеология, вкрапления в авторский текст произведений устного народного творчества. На прагматическом уровне обращает на себя позиция повествователя, который наблюдает за происходящим не с превосходством цивилизованного городского наблюдателя, а с деятельным сочувствием земляка.

Яркий пример сказанного – речь повествователя в повести «Вологодская свадьба» (1962), в которой писатель ломает привычные представления современников о деревне той поры, и о пределах реализма и условности при создании характера героя. Авторская идея произведения воплощается здесь в трех направлениях: отражение старых обычаев на фоне новой деревни, социальная противоречивость современной провинции и поэтика места, любовь к родному краю. Рассмотрим, как авторскую идею репрезентирует речь повествователя в этой повести.

Когнитивный «разлад» обнаруживает оппозиция старого, традиционного, и нового, реализуемая на протяжении всей повести. Эта двойственность восприятия мира находит свое проявление, с одной стороны, в словесных описаниях красот родного края (*В полях было по-ночному тихо, а когда наши машины врывались в лесную чащу, вся она начинала шуметь и гудеть, наполняясь свистом шин и завыванием моторов. Казалось, что звуки по стволам уходят в звездное небо*), обстоятельных толкованиях местных реалий (*«Сладкий пирог – белый, сдобный, круглый, величиной с решето, а то и больше. Сверху на нем всякие завитушки, плетеные узоры из теста и разноцветные монпансье ("лампасея") да еще изюм <...> Сладкие пироги на Севере – такое же народное творчество, как резные наличники на окнах, петухи и коньки на крышах, фигурные расписные прясницы и кустарные ткацкие станы, как колокольчики "дар Валдая" под дугой и бубенчики (воркунцы, ширкунцы) на ошейниках у лошадей»*), эмоционально насыщенных характеристиках персонажей (*«Наталья Семеновна увлеклась, распелась, а все нет-нет да пояснит что-нибудь: так мало, должно быть, верила она, что содержание старинного причета понятно всем нынешним, трясоголовым»*), а с другой стороны, в комментариях утративших смысл обрядовых действий (*«В минуту, когда разговор шел еще о птицеферме, дружка Григорий Кириллович, вдруг словно бы спохватившись, вышел из избы. Сейчас он вернулся с живой курицей в руках. Соблюдая какой-то древний языческий обряд, он остановился посреди избы, взял курицу за голову, с силой встряхнул ее – и обезглавленная тушка запрыгала по полу, брызгая кровью, теряя перья. Курицу зажарили и со свежей курятиной и пивом обходили гостей. В деревне Сушинове этот обряд до сих пор никому не был известен, и в чем его смысл – никто растолковать не смог, но свежая курятинка всем понравилась»*), меткой характеристике недостатков своих земляков (*«Под конец напился-таки Петр Петрович. Вероятнее всего, затащил его Николай Иванович по секрету в куть, к матери своей, и та не пожалела самодельного зелья дорогому зятю. Напился молодой князь и начал куражиться. Нашел где-то каракулевую шапку, нацепил ее на ухо и кричит: «Я Чапай! Кто на моем пути? Всем приказываю: долой!»*).

На протяжении повести повествователь вербально дистанцируется от быта и нравов своих персонажей (*«Мне, грешному, кажется, что, отправляясь "на города", мои земляки сознательно одеваются*

похуже, прибедаются, чтобы вернее разжалобить своих "выбившихся в люди" родственников»; *«Я, приезжий человек, тоже не был обойден»*; *«Совет да любовь вам, дорогие мои земляки!»*). Вместе с тем в речи повествователя находят свое выражение традиционные для картины мира северного крестьянина объекты и ценности (*«А между тем в деревне своей она считалась одной из лучших невест. Почему? Потому ли, что единственная дочка у матери и наследница всего дома? Отчасти, может быть, и поэтому. Но такие невесты в деревне есть и кроме нее. Все они не дорожат своим наследством, стараются бежать из дому, устроиться на какую-либо неколхозную работу, как это сделала и Галя, перебравшись на льнозавод. Нет, достоинства Гали – недородной, нерослой, не сильной – в другом. Она из очень работающего рода, а уважение к такому наследству живет в крестьянах и поныне. А извечное трудолюбие и непоседливость перешли от дедушек и бабушек к нынешней невесте и стали ее главным приданым, которое скрашивало в глазах женихов ее низкорослость и неприглядность»*).

На вербально-семантическом уровне обращает на себя внимание большое количество локализмов предметно-обиходной и этнографической семантики: *«В дни свадьбы наградили меня бесценными подарками дружка Григорий Кириллович и колхозный шофер Иван Иванович Поповский. Они облазили немало чердаков и поветей и нашли для меня набор литых поддужных колокольчиков да воркуны-бубенцы на кожаном конском ошейнике <...> Подарили мне также резную раскрашенную прясницу столетней, по крайней мере, давности. А к пряснице – плетеную веретенницу с веретенами. Еще молотило березовое – цеп, валявшийся без надобности почти с начала коллективизации. Удалось мне так же достать два заплочных пестеря из березового лыка»*. При всей активности употребления в речи повествователя диалектных слов можно наблюдать неоднократные попытки дистанцироваться от местных особенностей речи, например, от специфического произношения:

– *«Иду это я раз вдоль осеков, гляжу – что-то шевеличча. Вдруг, думаю, заяч? Дай, думаю, стрелю! Стрелил, прихожу – и, верно, заяч»*.

Добычливого охотника тут же поднимают на смех:

– *Бежала овча мимо нашего крыльча да как стукнечча да перевернечча. "Овча, овча, возьми сенча!" А овча не шевеличча. С той поры овча и не ягнечча»*.

Замечает повествователь и незатейливую бесцеремонность речи своих земляков: об этом свидетельствует, например, его реакция на свадебные приглашения односельчан (*«Шура, приезжай, Тонька с Венькой безруким уписываются»*; *«Дуньку Волкову пропивать будем, приезжай, погуляем!»*) и письменно-приглашение племянницы Гали (*«Дядя Шура, наша Галя выходит замуж. Жених работает на льнозаводе. Пиво мама спроворила, и все будет по-честному, как следно быть. Приезжайте, дядя, обязательно, не откажите в нашей просьбе. Едьте,*

пожалуйста!" Письмо писала сама невеста, хотя от третьего лица и без подписи. Казалось, от того, буду я на свадьбе или не буду, зависит ее дальнейшая судьба»).

При оценке мотивационно-прагматического уровня языковой личности обязательно учитывается фактор адресата. Повествователь, заняв позицию летописца вологодской свадьбы, вполне оправданно предполагает, что многие явления местной жизни будут не вполне понятными постороннему наблюдателю. Проявляется это и в разнообразии способов толкования местных слов («*Журавлиха – клюква: старик везет ее кому-то в подарок; «Гая не стала выше ростом, не стала пригляднее, осанистей или, как здесь говорят, становитей»*»), и в обстоятельном энциклопедическом описании реалий («*Мария Герасимовна поднесла ей полную белую чашку пива, считавшуюся почетной, как в старину братья. Старушка встала со скамейки, приняла белушку с поклоном, обеими руками, но выпила не всю: важна была честь!..*»), и в подробном комментарии местных порядков («*В разговор о льнопресте немедленно включились соседи по столу, и давний конфликт вышел наружу. Суть его в следующем. На заводе старое, почти допотопное оборудование, из-за чего при первичной обработке льна получается очень большой, недопустимый по нормам процент отходов. Чтобы не прогореть даже при этом древнем оборудовании и выполнить и перевыполнить производственный план..., работники льнозавода приноровились умышленно занижать сортность поступающей тресты»*»), и во включении местных реалий в широкий культурный контекст: «*Леденцы там по своему разнообразию и многоцветности не уступают коктебельским камушкам»*; «*Вспомнилось: как-то в Москве, на перекрестке у Ленинской библиотеки, вот на таком же морозе милиционер приложил свисток к губам, а он не засвистел – застыл, должно быть. Дует в него регулировщик и сам смеется. Тем дело и кончилось: повезло шоферу-нарушителю»*; «*Я ехал и твердил про себя пушкинские строки: "Колокольчик однозвучный утомительно гремит". До чего же все-таки не хватает колокольчиков!»*. Здесь очевидна позиция повествователя как проводника между локальной и общенародной культурой, стремление осмыслить жизнь Русского Севера в контексте национальных представлений о мироустройстве.

Реконструкция черт диалектной языковой личности в еще большей мере может быть правомерна при анализе речи персонажей Александра Яшина. Создавая многие из своих произведений, писатель рисовал знакомые с детства места, обращался к судьбам и характерам своих земляков. Так, прототипом невесты Гали в «Вологодской свадьбе» стала двоюродная сестра А. Яшина, а в сюжетную основу очерка положен ряд эпизодов из жизни писателя; прообразом главного героя повести «Сирота» стал двоюродный брат Яшина, который не раз обращался к писателю за материальной помощью; источником бытовых и пейзажных зарисовок повести «Высочка» стали родная деревня писателя Блудново и соседствующая с ней деревня Липово [10].

Весьма значимым для творческой позиции А. Яшина является собирательный образ северной крестьянки. В произведениях писателя он имеет большую нравственную и идейную нагрузку, наделяется удивительной, неброской красотой, которая заметна не сразу, «но без нее жизнь стала бы серой и неуютной» [6].

Одним из наиболее ярких в речевом отношении является образ исполнительницы свадебных причитаний Натальи Семеновны из повести «Вологодская свадьба». Автор весьма выразительно рисует портрет ее портрет («*вошла в куть эта черноглазая, с тонкими чертами лица, старая, но и сейчас еще красивая, несомнувшаяся женищина»*»), характеризует голос («*высокий, чистый, не старушечий»*»), отмечает особое впечатление, которое она производит на собравшихся («*гармонист перестал играть, девушки затихли»*; «*казалось, изба стала просторнее, потолок поднялся, а сарафаны да кофты запестрели еще ярче»*).

Речь Натальи Семеновны весьма интересна в когнитивном отношении. Она демонстрирует хорошее знание народной песенной культуры и уважение к традициям народного пения: «*А чего это вы коротышки поете? – с упреком обратилась ко всем Наталья Семеновна. – Надо волокнистые песни петь, нельзя без волокнистых. Поди-ко и красоту не справляли, что за свадьба такая? Позвали бы меня вчера, я ведь и красоту всю помню. Раньше мне Митиха Лискина – вот уж причитальница-то была! – скажет, бывало: "Садись-ко, Наташка, возле, у тебя голос вольной, учись!" И я с ее голоса, еще девчонкой, все волокнистые, протяжные песни запомнила. Памятью меня бог не обидел. Сколько своих девок после замуж отдавала, ни много ни мало шесть дочерей в люди вывела – как причеты не запомнить!»*. Отличительной чертой личности Натальи Семеновны можно назвать чувство собственного достоинства, проявление уважения к себе, к людям и к своему делу: «*Пела она неторопливо, старательно, без робости: просто делала нужное людям дело, из-за чего же тут робеть?»*; «*старушка встала со скамейки, приняла белушку с поклоном, обеими руками, но выпила не всю: важна была честь! Затем тщательно вытерла губы и снова запела»*. Она не оставляет без внимания бесчинства дружки и жениха во время свадьбы («*О, господи! – ужаснулась испуганная Наталья Семеновна. – Еще не мужик, а уж форс задает. Что потом-то будет?»*»). Твердость нравственной позиции народной исполнительницы вызывают у односельчан ответное уважение («*Брось обижать старуху! – вступился за Наталью Семеновну Ленька. – Наговоры одни, да еще заглазно... Худославие одно»*).

На вербально-семантическом уровне обращают на себя внимание не столько наличие разговорно-бытовых локализмов в речи персонажа («*догоняла самошкой»*»), сколько богатство и разнообразие в проявлении народно-поэтической речевой культуры: лексико-фразеологическое («*невеста дары раздает и просит благословенья у отца с матерью, которое "из синя моря вынесет, из темна лесу выведет, и*

от ветру – застиныце, и от дождя – притулыце, от людей – оборонушка"») и интонационное богатство («Колокольчики сбрякали, да сердечико дрогнуло. И да сердечико дрогнуло, ретивое придрогнуло. И ретивое придрогнуло, да не ве-ошня вода») свадебных причитаний, шуточных песен подружек невесты («У вас сваха-то княжая, она три года не пряла, она три года не ткала, все на дары надеялась»; «Что у дружки у нашего еще ноги лучинные, еще ноги лучинные да глаза заячинные...»), пословиц и поговорок («Какое пиво – таковы и песни»).

Мотивационный потенциал личности Натальи Семеновны проявляется в том, что пение для нее сопряжено со стремлением включить всех присутствующих в исполнение старинного обряда, разъяснить в меру своего понимания его суть: «Приставайте, приставайте, девки! – говорила время от времени Наталья Семеновна. – Подхватывайте! – И сама продолжала петь»; «Это ничего, что про монастырь пою? – спрашивает она вбег. – Нынче ведь нет монастырей-то»). Эта женщина не просто воспроизводит старинные тексты, но и перерабатывает их, соотнося с биографией конкретного человека и вызывая тем самым в его душе живой отклик: «А однажды она приказала девушкам: «Теперь переходите на другой голос, чтобы невесте еще тоскливее стало!» – и сама изменила мотив. Услышав эти слова, Галя, давно молчавшая в своем углу, заревела снова громко, надрывно, всерьез. Совсем свободно заплакалось ей, когда Наталья Семеновна помянула в песне родимого батюшку: Галя осиротела рано и поныне тоскует по своему отцу-солдату». Творческое начало исполнительницы проявилось в освоении местных реалий внутри текста традиционных свадебных причитаний: «Кроме теремов высоки-их и столбов белодубы-их бы ли в песне и князя, и бояры, и дивьей монастырь со монашками, были и Дунай – быстра река и Великий

Устюг, Осмоловский сельсовет и колхозное правление».

Выводы.

Речевая характеристика исполнительницы свадебных причитаний Натальи Семеновны убеждает нас в том, что это креативная диалектная языковая личность, во многом воплотившая нравственный идеал писателя, его отношение к народной культуре, стремление сохранить в ней все лучшее, проверенное временем, позволяющее человеку жить в гармонии с природой, с людьми и с самим собой.

Литература

1. Бараков, В. Н. Семь уроков Александра Яшина / В. Н. Бараков // Литературная Вологда. – Вологда, 2007.
2. Бочкарева, Т. А. Жизненное и творческое кредо Ю. Нагибина: к проблеме реализации языковой личности в художественном тексте / Т. А. Бочкарева // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве». – Барнаул, 2012. – С. 102–103.
3. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск, 2002.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2010.
5. Ляпон, М. В. Проза Цветаевой. Очерк реконструкции речевого портрета автора / М. В. Ляпон. – М., 2010.
6. Рулева, А. С. Александр Яшин. Личность. Поэт. Прозаик / А. С. Рулева. – Л., 1980.
7. Тимофеев, В. П. Диалектный словарь личности / В. П. Тимофеев. – Шадринск, 1971.
8. Толстова, Г. А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой / Г. А. Толстова. – Красноярск, 2007.
9. Чурилина, Л. Н. Языковая личность» в художественном тексте / Л. Н. Чурилина. – М., 2006.
10. Яшин, А. Я. Повести и рассказы / А. Я. Яшин; [сост., подгот. текста и примеч. З. К. Поповой-Яшиной]. – Архангельск, 1980.

УДК 811.161

И. Е. Колесова

Вологодский государственный университет

ПРОЦЕССЫ МОРФЕМООБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО КОРНЯ *-LEI- В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки
(Грант Президента РФ МК-1544.2014.6)

В статье реконструируется состав корневых алломорфов исторического корня *-lei-, рассматривается их дальнейшая судьба в диалектной системе русского языка на примере вологодских говоров. На основе анализа лексики с этимологическим корнем *-lei- в статье исследуются некоторые процессы семантической и функциональной дивергенции, приводящие к формированию в вологодских говорах новых корневых морфем, рассматривается ряд проблем, связанных с этим явлением.

Русские диалекты, семантическая дивергенция, морфемобразование, историческое корневое гнездо.

Allomorphs of the historical root *-lei- is reconstructed in the article. The author considers the fate of these allomorphs in the dialect system of the Russian language on the example of the dialects of Vologda region. Based on the analysis of vocabulary with the etymological root *-lei- the author studies some processes of semantic and functional divergence leading to the formation of new